

УДК 94(092)(470.41-25)"17"

Екатерина II и Казанская губернская администрация во второй половине XVIII столетия

Е. Б. Долгов,

Институт татарской энциклопедии
и регионоведения АН РТ,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация

Catherine II and the Kazan provincial administration in the second half of the XVIII century

E. B. Dolgov,

The Institute of the Tatar Encyclopedia
and Regional Studies of Academy
of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation

Аннотация

Важным фактором формирования имперской политики России во второй половине XVIII столетия являлось знакомство Екатерины II со страной. Путешествия императрицы давали ей возможность утвердиться в правильности избранного пути, существенно корректировать различные направления деятельности правительства исходя из местных условий, расширяли ее представления о своеобразии социально-экономического развития и управления отдельных территорий российского государства. «Поход по Волге», посещение Казанского края в 1767 г. позволили центральной власти убедиться в стабильности региона с полиэтническим населением. Гражданский мир в «многонародном» Поволжье способствовал возникновению намерений у царицы улучшить жизнь этих народов. Плодотворное взаимодействие государыни с представителями провинциальных элит в ходе поездки оказалось одним из основных результатов ее политической деятельности и использовалось обеими сторонами для оперативного решения вопросов, которые касались данной губернии. Замечательный опыт коммуникации монарха с населением державы привел к важным качественным сдвигам в развитии отечественного законодательства по отношению к конфессиям, народностям, элитам, сословиям. Внутренняя бодрость, отсутствие желания опускать руки перед громадностью России, глубокая вера в исполнимость задуманного в немалой степени способствовали успехам Екатерины Великой.

Abstract

It is known, that one of the important factor in the formation of Russia's imperial policy in the second half of the XVIIIth century was Catherine II's familiarity with the country. The Empress's travels gave her the opportunity to confirm the correctness of the chosen path, significantly adjust various directions of government activity based on local conditions, expanded her ideas about the peculiarities of socio-economic development and management of individual territories of the Russian state. The "journey along the Volga" and the visit to the Kazan region in 1767 allowed the central government to be convinced of the stability of the region with a multi-ethnic population. The civil peace in the "multi-population" Volga region contributed to the tsarina's intentions to improve the life of these people. The Sovereign's fruitful interaction with representatives of the provincial elites during the trip proved to be one of the main

results of her political activity and was used by both sides to promptly resolve issues that concerned the province in question. The remarkable experience of the monarch's communication with the population of the state led to important qualitative shifts in the development of domestic legislation in relation to confessions, nationalities, elites and estates. Catherine the Great's inner vigour, lack of desire to give up before the enormity of Russia, deep faith in the feasibility of what she had planned contributed in no small measure to her successes.

Ключевые слова

Екатерина Вторая, Российская империя, путешествие по Волге, Поволжье, Казанская губерния, Казань, институт губернаторства, казанский губернатор.

Keywords

Catherine II, the Russian Empire, a journey along the Volga, the Volga region, the Kazan province, Kazan, the institute of governorship, the Kazan governor.

Екатерина II была второй коронованной особой после Петра Великого, совершавшее поездки по стране с разными политическими целями, которые тесно переплетались между собой. Стремление императрицы принести во время путешествий непосредственную пользу России сопровождалось многочисленными пропагандистскими мероприятиями, позволявшими резко повысить авторитет и престиж монарха в глазах как собственных подданных, так и зарубежного общественного мнения. Государыня интересовалась широким кругом вопросов жизни на местах. Известны ее соображения о целях своих «походов» по российской провинции: «Я хочу знать только то, что мне нужно для управления моим маленьким хозяйством» и «Я путешествую не только для того, чтобы осматривать местности, то чтобы видеть людей. Мне нужно дать народу возможность дойти до меня»¹.

Политическая программа Екатерины II, направленная на модернизацию великой евразийской империи, включала и решение этноконфессиональных вопросов, и организацию управления периферией обширного государства, и создание эффективного режима взаимодействия центральной и местной элит, и совершенствование социальной структуры российского общества, и обоснование имперской идеологии и политики. А венценосные путешествия являлись своеобразным способом «освоения» властью российского пространства и фактором формирования политики по отношению к различным сторонам жизнедеятельности державы. Тем более, «все мысли и намерения... трудолюбивой и попечительной монархини» сосредоточивались на том, «чтоб польза и благополучие ей врученных от Всевышнего народов, поелику можно, к совершенству приходили»². Императрица обставляла свои «высочайшие визиты» пышными церемониями, триумфальными шествиями, торжественными приемами, балами, маскарадами, фейерверками, подчеркивающими величие царствующей особы. Все современники единодушны в оценке способности Екатерины II превращаться из обаятельной и приветливой женщины в гордую, величественную монархиню, жестами, походкой, осанкой подчеркивавшей различие между нею и подданными. По свойствам характера она была типичным прагматиком, не принимавшим ни в государственных делах, ни в обыкновенной жизни опрометчивых, необдуманных решений или поступков. Здесь необходимо также признать исключительную способность царицы обращаться с народом, овладение ею искусством управлять такой огромной империей, как Россия: она проявляла превосходные знания менталитета русского человека и ловко использовала в интересах дела достоинства и недостатки человеческой натуры³.

Путешествие по Волге в 1767 г. отличалось тем, что его не омрачали привходящие обстоятельства и ничто не отвлекало государыню от решения задач, ради которых она садилась в карету или на галеру. Эта поездка происходила после

обнародования знаменитого «Наказа» Уложенной комиссии и накануне созыва последней и потому предоставляло императрице широкие возможности проявить «матерное попечение» и заслужить репутацию просвещенной монархини, заботящейся о благе людей, живущих не только в столице, но и в российской глубинке.

Этому «походу в Казань» (на самом деле до Симбирска) предшествовала значительная подготовительная работа. С декабря 1765 г. по апрель 1767 г. в Твери были построены четыре галеры: «Тверь», «Волга», «Ярославль» и «Казань», первая из которых предназначалась для царицы и возглавлялась капитаном первого ранга, будущим адмиралом П. И. Путиным. Помимо этого сооружались суда для иностранных дипломатов, а также под кухню, провизию, экипажи. Строительство и снаряжение кораблей стоило для казны 39 906 рублей⁴. Особенно хороша оказалась галера «Тверь», «сделанная» на двенадцать больших весел. Весь выкрашенный зеленой краской корпус судна украшали позолоченные резные фигуры мифологических морских существ, широкая корма имела императорский герб и вензелевое изображение имени августейшей путешественницы. В кормовой части корабля были устроены рубки из восьми комнат, занимаемых самой императрицей, в подпалубной части – восемь кают для ближайшей свиты Екатерины, в носовой части – две небольшие рубки для кухонь⁵.

В августе 1766 г. стало известно, что в некоторых областях Поволжья, по которым предполагалось шествие государыни, появились разбойничьи шайки. Для их поиска и уничтожения в Казань, Пензу и Алатырь отправлялись три конные казачьи команды. В города, которые должна была посетить монархиня, командировались воинские части – от роты до батальона. В Казань выступил Санкт-Петербургский пехотный полк, получивший приказ «предпринять марш», а «где вскрытие вод застанет... нанять суда и идти рекою». Военные посылались не только для парадов, но прежде всего для того, чтобы принять участие в организации самого путешествия. Часть из них требовалась для «гребли на судах», другая – для «раздачи подвод» на станциях, где менялись лошади императорского поезда⁶.

10 апреля 1767 г. на дороге от Москвы выставили более 13 тысяч лошадей. Императорский кортеж состоял из 11 карет, 43 колясок и 30 кибиток⁷. 29 апреля царица прибыла в Тверь, 2 мая отправилась в путь по Волге, 5 июня плавание завершилось, а 16 июня Екатерина II вновь оказалась в Первопрестольной. Путешествие заняло период со 2 мая по 16 июня, т. е. продолжалось полтора месяца, в течение которых было преодолено 1 410 верст. Впервые сопровождать императрицу приглашались иностранные дипломаты, и это обстоятельство повышало престиж мероприятия и самой коронованной путешественницы, а также придавало «походу» развлекательный характер⁸.

О размахе путешествия можно судить по тому, что караван включал 25 судов, а число находившихся в плавании лиц, по словам Екатерины II и документам, достигало «близко двух тысяч человек». Самую многочисленную группу участников похода представляли гребцы. Хотя флотилия двигалась по течению, для ускорения использовались весла, поднимались паруса, использовалась бечевка. Свиту императрицы составляли вельможи – военные и государственные деятели: Г. Г. и В. Г. Орловы, И. Г. и З. Г. Чернышевы, А. И. Бибииков, А. П. Шувалов, А. В. Нарышкин, С. Б. Мещерский, статс-секретари Д. В. Волков, И. П. Елагин, С. М. Козьмин, Г. В. Козицкий и другие. Кроме того, с государыней до Костромы плыли испанский, австрийский, датский, прусский и саксонский послы⁹.

Флотилия отчалила из Твери 2 мая и следовала через Калязин монастырь, Углич, Рыбную Слободу, Ярославль, Рыбинск, Ипатьевский монастырь, Кострому, Кинешму, Нижний Новгород, Чебоксары, Казань, а в конечный пункт путешествия,

Симбирск, прибыла 5 июня. На пути лежали значительные города и монастыри, в которых Екатерина II проводила от нескольких часов до нескольких дней. Поездка сопровождалась непрерывным рядом торжеств и ликований: по берегам Волги повсюду стояли толпы народа, которые громкими восклицаниями приветствовали «матерь Отечества», ночью река освещалась зажженными на берегу кострами из дров и смоляными бочками. Во всех заметных населенных пунктах корабли останавливались, и царице устраивались торжественные встречи и празднества. Императрица сходила на берег для осмотра достопримечательностей и бесед с представителями местных властей и разных сословий. Несмотря на такие задержки и развлечения, на борту галеры шла повседневная канцелярская работа. «Трудясь по всегдашнему своему обыкновению в делах, блаженство подданных устрояющих», Екатерина II успевала «входить в подробные объяснения» с провинциальной администрацией, писать письма как о своих дорожных впечатлениях, так и государственных делах; даже находила время заниматься литературой. Вместе с придворными она перевела на русский язык полученный ею в подарок от просветителя Ж. Ф. Мармонтеля его новый роман «Велизарий», в котором был показан идеал разумного монарха, мудреца на троне. Совместный перевод этого произведения воспитывал и развивал мысли тех, кто являлся ближайшими сотрудниками царицы, т. к. она ставила себе целью «сделать» образованных людей из «русаков», чтобы «Россия управлялась русским умом». Кстати, книга философа была опубликована в Москве в следующем, 1768 г., под заглавием «Велизер, роман г. Мармонтеля, переведенный с французского на Волге разными знатными особами»¹⁰.

О визите в Казань 26 мая – 1 июня 1767 г. мы знаем из писем самой Екатерины II, делившейся впечатлениями о путешествии с корреспондентами, а также из «Повседневной записки походу Ея Императорского Величества в Казань» от 2 июня 1767 г.¹¹ и «Повседневной записки обратного Ея Императорского Величества из Казани в Москву путешествия» от 14 июня 1767 г.¹², «Церемониального камер-фурьерского журнала 1767 года»¹³, «Экстракта из журнала плавания Ея Императорского Величества на галерах по реке Волге, от Твери до Симбирска, в 1767 году»¹⁴, «Дневника» младшего брата фаворита В. Г. Орлова¹⁵, обнаруженной исследовательницей Г. В. Ибнеевой записи устного рассказа нижегородского губернатора Я. С. Аршеневского «Пребывание императрицы Екатерины II в Казани в 1767 году: По материалам рукописного сборника XVIII в.»¹⁶, документов из центральных и местных архивов и рукописных отделов библиотек.

О том, что же представляли из себя Казань и губерния в 1760-х гг. можно судить из донесений губернатора А. Н. Квашнина-Самарина 1765 и 1767 гг., записок члена-корреспондента Императорской Академии наук Н. П. Рычкова за 1767 г. и начальника Оренбургской экспедиции, академика И.-П. Фалька за 1769-1773 гг.

В 1765 и 1767 гг. казанский губернатор Андрей Никитич Квашнин-Самарин представил Екатерине II два «описания» богатств подведомственного ему края. В его донесении говорилось: «Ч[е]рез разные той губернии уезды лежат знатные реки: Волга, Кама, Вятка, Сура, Белая, по коим из разных мест с железом и хлебом, и с подрядным на питейные дома вином отправляются суда в Астрахань и в верховые разные города. ... Изобилует ... урождением множества хлеба, скота, птиц, медом и рыбами, и разных родов зверьями, кроме соболей»¹⁷. Ученый Н. П. Рычков отмечал, что в 1767 г. всего «в каменном и в бывшем деревянном городе (Казани. – Е. Д.), а также и за городом» насчитывалось 102 церкви, «гостиный двор каменной», «каменных жилых домов дворянских и купеческих 17, притом ратуша, деревянных домов 3 939», «училищ: семинария для священнических детей,.. а для дворянских

детей с потребным числом учителей учреждена ныне гимназия под дирекциею Московского императорского университета; школа гарнизонная математических наук, богаделен... 5... Знатные улицы: 1. Арская, 2. Воскресенская, 3. Проломная, 4. Успенская и Владимирская, 5. Мокрая, 6. Ямская, 7. Варлаамская, 8. Кирпишная, 9. Суконная; малых улиц и переулков 170; торжков, базаров и площадей 10»¹⁸. Академик И.-П. Фальк дал более обстоятельное описание Казани и ее окрестностей: «Казанка и впадающий здесь в нее с левой стороны приток Булак разделяют ее (Казань. – Е. Д.) на разные части. На высоком мысе между обеими реками стоит старинная, хорошо сохранившаяся... крепость. Стена частью из мелового камня вышиною в 3, а толщиною в 1 ½ сажени, окружает четверугольную площадь в 300 сажень в поперечнике, и в том месте, где идет крутой берег, обведена она земляным валом и рвом. В крепости находятся великолепная каменная соборная церковь, деревянные строения для присутственных мест и магазины. Собственный или верхний город стоит выше на том же мысе между реками, и с сухого пути открыт. Улицы в нем в некоторых местах мощены бревнами, каменной же мостовой нигде нет. Здесь есть два рынка. Гостиный двор выстроен прочно и весьма велик, прочие же лавки деревянные, небольшие, выстроенные в ряд. Из оных лавок 56 для приезжих купцов, продающих здесь свои товары; 9 суконных, 28 для сибирских и китайских товаров, 36 платяных, 16 серебряных, 17 железных лавок и проч[их], а всего 776 лавок. Кроме сих есть еще на малом рынке 86 мелочных лавок. Нижний город стоит по обеим сторонам Булака и частью затопляется водою. Старая Татарская слобода составляет верхнюю часть нижнего города. Татары имеют там 162 дома и 2 мечети. ... Новая Татарская слобода со 172 дворами и 2 деревянными мечетями отделяется на левой стороне Булака плоскостью, простирающейся в ширину на одну версту и подверженную наводнениям. На правой стороне Казанки находится Российская слобода, в которой насчитывается 125 дворов. Всего в городе... 3 069 дворов, некоторые из них каменные, а другие деревянные и самые простые...; во всем городе находится 26 кабаков. Казань весьма много занимается разными промыслами. В ней считается 831 купец, 1 468 фабрикантов и 1 057 ремесленников, между коими 128 сапожников, 88 перчаточников, 14 кузнецов, 19 медников, 23 скорняка, 7 резчиков, 14 портных, 7 плотников, 5 стекольщиков, 3 оловянныхщика, 4 золотых дел мастера, 1 каретник, 1 столяр, 18 булочников, 13 пирожников, 2 шляпочника, 19 мельников, 1 доктор, 1 хирург, 10 птицеловов, 224 извозчика... Часть всех жителей грекороссийского исповедания составляло... включая 489... крещенных черемисов и 105 из татар, 8 326 душ мужского и 10 306 душ женского пола... татар... 952 человека... Здесь имел купец Дребелов (Дряблов. – Е. Д.) суконную фабрику, заведенную Петром Великим и ставившую тонкие офицерские сукна; на ней было 1 000 человек работников. Две канительные (канатные. – Е. Д.) фабрики занимали 166 человек. Здесь наиболее славятся юфтяные, сафьянные и мыловаренные заводы... В городе находится 35 хороших каменных церквей, 8 мужских и 3 женских монастырей». Аккуратный немец приводит в своих записках и цены на съестные припасы, которые продавались на казанских рынках: пуд ржаной муки стоил 12-13 копеек, пшеничной муки – 30-32 копейки, овсяной крупы – 9-10 копеек, говядины – 30-40 копеек, баранины – 40-50 копеек. Жители края, – по наблюдениям Фалька, – занимались «сельским хозяйством, земледелием, скотоводством и пчеловодством, некоторые же рыбною ловлею», так что «в сей превосходной губернии сеют почти все употребительные в России роды хлебов и огородные овощи и держат домашний скот», и земледелие «по причине многолюдства и хорошей почвы» считалось здесь «главнейшею отраслью промышленности»¹⁹.

К приезду Екатерины II, следуя традициям организации императорских путешествий, в Казани были сооружены большие и малые триумфальные ворота. Первые украсили «великолепно портретами и прочим живописным художеством»²⁰. Они состояли из трех арок, одной главной и двух боковых; от них шла галерея из колонн и пилястр, между которыми размещались фигуры и статуи в рост человека; галерею, раскрашенную яркими красками, венчал позолоченный купол. Другие триумфальные ворота воздвигли около гимназических зданий; над главной аркой здесь возвышался громадный щит с гербом Российской империи, а «по сторонам ... расставлены были прозрачные картины»²¹. Вдоль улиц города высадили деревья, по пути следования государыни разбрасывали травы и цветы.

24 мая 1767 г. на границе Казанской губернии около Васильсурска, недалеко от Козьмодемьянска, Екатерину II приветствовали губернатор А. Н. Квашнин-Самарин, губернаторский товарищ (заместитель) И. В. Лихачев, главный командир Казанского адмиралтейства А. В. Елманов и генерал А. И. Миллер. Миную Козьмодемьянск, эскадра проследовала до Чебоксар, где 25 мая царица с придворными высаживалась на берег, осматривала уездный город, слушала литургию в Троицком монастыре, гуляла в дубовой роще²².

26 мая 1767 г. к вечеру императорская флотилия подошла к Казани, немного задержавшись около города Свияжска и деревни Моркваши. Благодаря тому, что весенние воды еще не спали, царская галера вошла в Казанку и остановилась почти у самого кремля. Августейшей гостье оказали самую торжественную встречу: «из поставленных у городских стен пушек началась пушечная пальба и у всех святых церквей колокольный звон». Именитые горожане на лодках устремились к кораблю, чтобы принести «Ея Величеству всеподданнейшие свои поклонения»²³. Сойдя с галеры, Екатерина II со свитой на шлюпках направилась к пристани, которая «для высочайшего прибытия построена была столярною работою и устлана красным сукном» и усыпана «разные цветы»²⁴. Когда императрица высадилась на берег, то «от всей галерной эскадры и с города производима была пушечная пальба» из 101 орудия и «отдаваема ... честь игранием на трубах с литавры», а многочисленная толпа народа кричала «ура». На пристани губернатор А. Н. Квашнин-Самарин выступил с рапортом и представил венценосной путешественнице коменданта, офицеров местного гарнизона, известных в крае дворян и богатых купцов. Отсюда Екатерина II в карете²⁵ въехала в город, проследовав через кремлевские Тайницкие ворота к Благовещенскому кафедральному собору, где ее приветствовали казанский архиепископ Вениамин и другие иерархи церкви. После молебна императорский кортеж отправился через Спасские ворота по главной улице, по обеим сторонам которой стояли солдаты Казанского гарнизонного полка, в отведенный для размещения царицы дом «заводчика» И. П. Осокина между Малой и Большой Проломными улицами²⁶.

Во время «шествия» по Казани «все улицы, и по домам в окнах и на крышах, тако ж по валу Земляного города и по городским каменным стенам» были заполнены жителями города и окрестностей. От триумфальных ворот до «дворца» – осокинского особняка – стоял Санкт-Петербургский пехотный полк. Его солдаты отдавали «Ея Величеству честь с преуслугою знамен и игранием музыки»²⁷. Брат фаворита В. Г. Орлов записал в своем «Дневнике»: «Вид города очень хорош,.. много очень каменного представляется»²⁸. Разумеется, Казань понравилась императрице: «Мы ... нашли город, который всячески может слыть столицею большого царства; прием мне отменной, нам отменно он кажется; кои четвертую неделю видим везде ровную радость, а здесь еще отличное. Если б дозволили, они бы себя вместо ковра постлали, а в одном месте по дороге мужики свечи давали,

чтоб предо мною поставить, с чем их прогнали. ...Здесь триумфальные ворота такие, как я лучше не видала»²⁹. Восторженный прием соответствовал тщеславным вкусам Екатерины II – в очередной раз она не могла сдержаться от упоминания в письмах о том, сколько любви и преданности ей выражали россияне. «Я живу здесь в купеческом каменном доме, девять покоев анфиладою, все шелком обитые; креслы и канапеи вызолоченные; везде трюмо и мраморные столы под ними», – писала царица из Казани первоприсутствующему в Коллегии иностранных дел Н. И. Панину 27 мая 1767 г.³⁰ По вечерам губернский центр был великолепно «иллюминирован». Средств на это не жалели, да и само здание, где проживал владелец суконной мануфактуры И. П. Осокин, располагалось на высоком пригорке. Из окон особняка императрица наблюдала «все украшения и эффектные картины ликующего города»³¹. Вообще в Казани Екатерина II чувствовала себя «весьма хорошо, истинно как дома». Так выражаться она могла из-за своей необыкновенной способности обращаться с людьми, очаровывать всех, кому приходилось иметь с ней дело. «Сей город, бесспорно, первый в России после Москвы,.. во всем видно, что Казань столица большого царства. По всей дороге прием мне был весьма ласковый и одинаковый, только здесь еще кажется градусом выше, по причине редкости для них видеть. Однако же с Ярославом, Нижнем и Казанью да сбудется французская пословица, что от господского взгляду лошади разжиреют: вы уже знаете в Сенате, что я до сих городов сделала распоряжение», – писала «матерь Отечества» А. В. Олсуфьеву³². Так личные наблюдения государыни позволили ей прийти к выводу о несовершенстве существующих законов, которые не защищали народ и его имущество как от произвола власть придержащих, так и от стихийных бедствий. В результате 4 июня 1767 г. появились Правила «для поспешествования к устройению каменных домов в Казани»³³. Последнее обстоятельство было вызвано тем, что вышеупомянутый губернский центр серьезно пострадал от пожара 1764 г., и императрица, проехав с губернатором по разоренным участкам и расспросив А. Н. Квашнина-Самарина о названии улиц и церквей, тут же приказала составить новый план города (утвержден ею 11 марта 1768 г.). Для развития здесь каменного градостроительства она пожаловала 200 тысяч рублей³⁴. Приятные воспоминания царицы о пребывании на Волге содержатся и в высказываниях Екатерины II при разборе «Описания путешествия по России» аббата Шаппа (в «Антидоте»): «В Казани мы могли бы, если бы хотели, танцевать в течение месяца на девятнадцати балах: когда мы увидели это, то потеряли желание возвратиться в столицу и не будь к тому необходимости, не знаем чем бы кончилось дело»³⁵. А вот мнение соратника государыни В. Г. Орлова: «Город с Казанки-реки вид очень хороший имеет, и я думаю, конечно, лучше после Москвы почесться должен. ...Здесь много кожевенных заводов, лежащих по большей части по речке, из озера текущей сквозь город. ... Впрочем, положение места не нездорово и недурно; дворян почти всегда много в городе живет, а я много тут хороших девушек и барынь видел, много компании водится»³⁶.

На следующий день после прибытия в Казань, 27 мая, в день праздника Живоначальной Троицы Екатерина II в сопровождении придворных, генералитета и дворянства предприняла шествие в Благовещенский собор, где ее встретили архиепископ и «знатное» духовенство. Здесь царица слушала божественную литургию и «большую вечернюю», посещала кельи Спасо-Преображенского монастыря. По всему пути императрицы в соборную церковь и обратно во «дворец», «подле триумфальных ворот, по обеим сторонам стояли татары и черемисы с женами и с дочерьми, во всем их богатом платье»³⁷. После обеда государыня принимала во «дворце» представителей казанского и свияжского дворянства, местного

губернатора, генералов и офицеров Адмиралтейства, а затем на тарантайках отправилась на Арское поле, где происходило народное гулянье³⁸. Здесь, как отмечал современник, «больше чем шестьдесят тысяч обоего пола на сем гульбище находилось, ибо не только проехать, но и пройти по обширному Арскому полю невозможно было». На городской окраине перед глазами царицы как будто раскинулась гигантская панорама, свидетельствующая об этническом многообразии средневолжского региона страны. На месте происходивших торжеств она поинтересовалась у А. Н. Квашнина-Самарина: действительно ли это поле, где некогда была ярмарка? Очевидно губернатор не знал хорошо истории города, поскольку, боясь показать свою неосведомленность, смог лишь сказать, что «заподлинно того неизвестно, но что в Казани одно только Арское поле находится». Далее Екатерина II проявила внимание к истории народов, входящих в состав Российской империи и попыталась повысить культурный, интеллектуальный уровень как самого населения, так и непосредственных проводников ее политики. Осмысление прошлого Казани, которую она рассматривала как азиатский город, был для нее не просто источником новых впечатлений, новых знаний о державе, но и средством обоснования имперского величия России. Проявленный императрицей интерес ко времени взятия Казани Иваном Грозным свидетельствует о том, что она оказалась знакомой с деталями покорения края в 1552 г. В разговоре с А. Н. Квашниным-Самариным, по воспоминаниям нижегородского губернатора Я. С. Аршеневского, государыня спросила его: «Где то место, которое взорвано было царем Иваном Васильевичем?». Андрей Никитич ответил, что этого нельзя определить с точностью, но в городе есть улица, которая, в силу именно этого «случая» называется Проломной. Затем императрица довольно долго рассуждала о старой Казани. Екатерина II пожелала получить план древних казанских крепостей и получила ответ А. Н. Квашнина-Самарина, что «для того дела он искуснейшего человека не знает», кроме директора местной гимназии Ю. И. Каница». Покорение Казанского ханства, по мысли Екатерины II, явилось событием, предопределившим имперское будущее нашей страны. В этом смысле царице было важно акцентировать внимание на истоках формирования Российской империи и отразить знаковость момента падения Казани: обращение к наследию Грозного подчеркивало преемственность и ее правления. Таким образом повышался авторитет монархической власти и осуществлялась пропаганда политических замыслов «матери Отечества». С другой стороны, в подобных разговорах выражалось желание государыни «просветить учением гистории своих подданных». Кстати директор казанской гимназии Ю. И. Каниц в 1778 г. составил на основе преданий, рукописей и собственных наблюдений этот план «древнего города Казани с кратким объяснением к нему и описанием осады и взятия Казани в 1552 году»³⁹.

Возвращаясь с Арского поля, вспоминал В. Г. Орлов, «видели народа чрезвычайное множество, который весь за нами ударился бежать и провожал нас назад по всему полю до самого города»⁴⁰. По вечерам за столом императрицы собиралось по 30-40 человек из свиты и гостей, кроме трапезы они забавлялись в шахматы, играли валторны и кларнеты; Екатерина II обсуждала со своими приближенными и высшими чинами Казанской губернии увиденное в городе и услышанное от его жителей, подавала «наставления к поправлению... делам государственным»⁴¹.

28 мая венценосная путешественница «со всею своею свитою» посетила Казанско-Богородицкий женский монастырь, где отстояла обедню и пожертвовала две небольшие бриллиантовые короны для знаменитой на всю страну чудотворной иконы Богородицы и образа Спасителя. Около обители ее поджидал престарелый петровский ветеран, бывший казанский вице-губернатор и главный командир местного адмиралтейства, генерал-майор Нефед Никитич Кудрявцев. «Скажите вашему

брату, – писала Екатерина II Н. И. Панину на следующий день, – что вчера я была в здешнем девичьем монастыре, где у ворот встретил меня его дедушка Кудрявцев и так мне обрадовался, что почти говорить не мог. Я остановилась и с ним начала говорить, и он мне сказывал, что он очень слаб и почти слеп, и как головою все подвигался, чтоб меня видеть, что и я гораздо к нему подвинулась, чем он казался весьма довольным; он уже ни ходить, ни одеваться не может, его водят»⁴². Тронутый лаской монархини, «бессмертный дед» подарил ей цуг вороных лошадей. Императрица послала Н. Н. Кудрявцеву золотую табакерку⁴³. Помимо того, что 91-летний старик являлся действительно заслуженным человеком, для царицы он символизировал преемственную связь с Петром Великим, т. е. олицетворял связь поколений. Такие люди консолидировали общество.

Радостные впечатления чуть было не испортили местные священнослужители. Два монаха подали императрице жалобу на архимандрита одного из монастырей, который не выплачивал им сполна положенного жалованья по штатам. Екатерина II велела препроводить челобитную к архиерею, чтобы последний разобрал дело и подтвердил по всей епархии не удерживать денег, причем особо подчеркивала: «А сим монахам в вину того ставить не велите, что они прибегли ко мне с прошением, поставя то им в простоту, как и я оный поступок их почитаю»⁴⁴.

В тот же день государыня принимала в своих покоях чиновников Казанской губернской канцелярии, купечество, купеческий жен и дочерей из Казани, Свияжска и даже Кунгурска, «которые по 400 и по 700 верст отсюда живут». Конечно, царица их «таким прямым усердием очень довольна была», – сообщал находящийся в ее свите В. Г. Орлов⁴⁵. Затем она посетила суконную мануфактуру И. П. Осокина. Встреченная владельцем и его семьей у ворот фабрики, Екатерина II «изволила быть во всех светлицах и смотреть делающихся на оной сукон»⁴⁶.

Совершая поездки по стране, императрица собирала информацию относительно положения городских поселений, развития предпринимательства. Так и в Казани губернатор А. Н. Квашнин-Самарин подал ей «Ведомость о казенных и частных медеплавильных, железных и винокуренных заводах и фабриках», где говорилось о состоянии городов, промыслов, торгов, «упражнений мещанских», фабрик, рукоделий и ремесел. Пристальное внимание Екатерина II уделяла купечеству. Купцы жаловались к руке вместе с дворянами и чиновниками. Она находилась в богатом регионе с громадным потенциалом торгово-промышленного развития. Особые отношения подчеркивались тем, что с купеческими женами царица целовалась по русскому обычаю в щеку. Ее занимало многое: от видов производимой продукции до состояния капиталов. Она с похвалой отзывалась о мыловаренных и кожевенных заводах Казани, заметив, что казанские кожи славятся не только в России, но и за рубежом. Принимая кунгурское купечество, государыня расспрашивала, какие заводы в их городах находятся, с какими землями оно ведет торговлю и на какие суммы производится данная торговля. Императрица, подзадоривала купцов к конкуренции, «дабы казанские заводчики старались перед кунгурскими своими изделиями кожевенными щеголять, а кунгурские равным образом хотели бы казанских кож своими славу затмить»⁴⁷. Екатерина II выказывала интерес к тем видам предпринимательской продукции, которые имели стратегическое значение. Так, Казанская суконная мануфактура, по мысли самодержицы, доставляла большое количество материалов «для войска российского». Следствием знакомства с промышленными предприятиями губернского центра являлось вмешательство царицы в вопросы коммунального хозяйства города. Особенностью их производства оказалось то, что кожи мочились непосредственно в Булаке, воду которого употребляли горожане. Разобравшись в неблагоприятной экологической ситуации,

императрица распорядилась перенести кожевенные заводы в более удобное место, «по течению ... воды ниже города, дабы испорченная вода не текла через город»⁴⁸.

29 мая 1767 г. братья Г. Г. и В. Г. Орловы совершили визиты к казанскому архиепископу Вениамину и в мечеть, а «мать Отечества» приняла во «дворце» учителей местной гимназии и направилась на маневры Санкт-Петербургского пехотного полка на Арском поле, где «смотреть изволила военной экзерции с пушечною и ружейною пальбою», а потом потчевала здесь же обедом офицеров и солдат⁴⁹. О нахлынувших на нее впечатлениях последних дней Екатерина II спешит поделиться со своим постоянным корреспондентом, выдающимся мыслителем французского Просвещения Вольтером. Размышляя над трудностями создания законов, которые учитывали бы интересы всех народов, населявших Российскую империю, она писала: «Вот я и в Азии: мне хотелось ее видеть своими глазами. В здешнем городе есть до двадцати различных народов, которые не похожи друг на друга, а между тем им надобно платье, которое бы годилось для них всех. Относительно общих начал им может быть будет хорошо, но подробности? И какие подробности! Я сказала, что это почти то же, что создать мир, соединить, сохранить и пр.»⁵⁰

30 мая, после представления татарских абызов и их жен, императрица «соизволила шествовать» в Казанскую духовную семинарию, где вместе с архиепископом Вениамином выслушивала вирши и оды в свою честь, произносимые окружающими ее семинаристами в белых одеяниях, с лавровыми ветвями в руках. Затем она проследовала в загородный дом архиерея в село Ивановское. Там ее встретило знатное духовенство, а внутри двора стояли «учащиеся в школах малолетние татары, мордва, чуваша, черемисы и вотяки», которые пели «Царю небесный» и, держа в руках зеленые ветви, декламировали «сочиненные в виршах речи»⁵¹. Последнее обстоятельство произвело сильное впечатление как на государыню, так и на придворных. «Тут говорили всех здешних народов ребятки крещенные на всех их языках», – записал в «Дневнике» граф В. Г. Орлов⁵². Погуляв по саду и посидев в хоромах, Екатерина II вернулась в Казань. Она проехала во «дворец» по улицам, где «жительство имеют татары», т. е. через татарские слободы, «чтоб видеть образ их строения и жития»⁵³. В местной гимназии Екатерина II, кажется, не была, но ее приближенные осматривали это учебное заведение, которое нашли в наилучшем состоянии: «12 учителей, а учащихся всех с 40», успехи гимназистов показали им «очень несовершенными»⁵⁴. Директор Ю. И. фон Каниц наглядно продемонстрировал высокопоставленным лицам реальное положение дел в «питомце Московского университета», в результате чего вышел императорский указ от 3 сентября 1767 г. об увеличении средств на содержание казанской гимназии⁵⁵. Более того, услышав мнение сановников по поводу учебного процесса в данном заведении, государыня писала И. И. Бецкому 30 мая из Казани: «Иван Иванович! Как я ничего того не могу пропустить, что к пользе государственной служить может, также и моих учреждений, так не могу миновать вам сказать, что наших кадетов должно учить по-татарски, ибо случится кому из них здесь быть употреблену в делах великое, то будет для службы польза, а для них облегчение»⁵⁶. Изучение татарского языка в казанской гимназии началось с 12 мая 1769 г., т. е. через несколько лет после пребывания монархини в губернском центре⁵⁷.

Забываясь о повышении культурного уровня дворянства, царица заинтересовалась драматическими представлениями, которые происходили в Казани. «Театральные зрелища» она рассматривала как одно из средств цивилизовать дворянское сословие. Во время «высочайших» завтраков, обедов и ужинов говорилось не только о делах, но велись беседы и о культуре. Так, 29 мая за императорским столом беседовали о театральных спектаклях и о тех комедиях, которые

ставились тогда в российских театрах. Августейшая повелительница с похвалой отзывалась о Ж.-Б. Расине, П. Корнеле и о «русском театральном стихотворце» А. П. Сумарокове. В разговоре она заметила, что ей известно, что и в казанской гимназии ученики представляли комедии и трагедии данных авторов. Из рассказов директора Ю. И. Каница Екатерина II узнала, что он с самого приезда в Казань убедил учащихся «приготовлять» пьесы, а почтеннейших горожан бывать на них. На праздники в гимназическом зале давались представления, причем организатор не жалел собственных средств на их постановку. Царица выразила сожаление А. Н. Квашнину-Самарину по поводу прекращения театральных «зрелищ» из-за сложных отношений между губернатором и директором гимназии. Оправдываясь, Андрей Никитич отвечал, что пьесы перестали ставить из-за того, что участники спектаклей закончили свое образование и покинули город. На это императрица изрекла: «То весьма сожальтельно, что таковые представления в... Казани оставлены и господину губернатору должно таковые предметы поддерживать и об улучшении их весьма заботиться». А. Н. Квашнин-Самарин сослался на мнение Ю. И. Каница о том, что ученики должны обучаться в гимназиях наукам, а не лицедействам. Екатерина II отметила, что директор говорит неправильно и «толку в том не разумеет»: не только малолетних гимназистов, но и само дворянство необходимо привлекать к делу просвещения. Обосновывала она это тем, что «сим оные научаются приятности в поведении и обращении, которые не токмо в столицах, но и в разных провинциях российского государства видеть желательно». Одним словом, государыня внушила губернатору мысль о необходимости «содействовать возобновлению в гимназии театральных представлений и сколь возможно склонять к тому здешнее дворянство, которое посредством сих представлений могло научиться приятному обращению и необходимой в свете ловкости». Очевидно, что подобные наставления монарха имели большое значение. Дворянское общество осуществило пожелания императрицы, и спектакли ставились в губернском центре вплоть до разгрома города пугачевцами⁵⁸.

Насколько много впечатлений вынесла Екатерина II из посещения Казани видно из ее письма Н. И. Панину от 30 мая: «Отселе выехать нельзя: столько разных объектов, достойных взгляду, идей же на десять лет здесь собрать можно»⁵⁹. На следующий день государыня высказалась Никите Ивановичу еще яснее: «Эта империя совсем особенная, и только здесь можно видеть, что значит огромное предприятие относительно наших законов и как нынешнее законодательство мало сообразно с состоянием империи вообще»⁶⁰.

Чуть раньше, с начала царствования, Екатерина II предоставляет льготы раскольникам, проявляя при этом известную религиозную терпимость. Правительство собирает сведения относительно деятельности староверов на местах. Одним из источников информации по данному вопросу стала переписка императрицы с казанским губернатором А. Н. Квашниным-Самариным. Последний получил именной указ от 30 июля 1765 г., который повелевал ему подробно разведать об активности раскольников в Поволжье. Андрей Никитич рапортовал в Санкт-Петербург о том, что те не замечены ни в каких антигосударственных поступках. Важную роль в формировании политики по отношению к старообрядцам сыграло и предпринятое царицей путешествие по Волге в 1767 г.⁶¹

Отношения с мусульманами беспокоили самодержицу не меньше, чем восстановление внутреннего мира со староверами. В письмах к своему давнему стороннику, известному российскому миссионеру, новгородскому митрополиту Дмитрию Сеченову, возглавлявшему когда-то Контору новокрещенских дел в Казанском крае, императрица требовала, чтобы в землях, населенных иноверцами, действовали

пастыри «нрава кроткого и доброго жития, кои тихостью, проповедью и беспорочностью добронравного учения подкрепляли во всяком случае Евангельское слово... поскольку один человек своей небрежностью может испортить то, что насилу и в 20 лет исправить возможно»⁶². В Казани царицу и ее окружение поразила этническая многоликость. Я. С. Аршеневский, описывающий проезд императорского кортежа в городе, отмечал многообразие народностей, встречающих «северную Семирамиду»: «и татарские абызы, и мордвины, и чувашы, и черемисы». Одетые в национальные наряды и украшения, инородцы потрясали своим видом придворную публику, которым казалось, «будто Азия с Европой соединяясь, на встречу ея величеству вышли», поскольку «нигде столь многочисленного и притом же разноплеменного народа не видели»⁶³. Прежде всего Екатерина II зримо убедилась в этноконфессиональном многообразии империи и пришла к выводу о неэффективности прежней религиозной политики. Государыня всегда умела не оскорбить окружающих, проявить почтение к традициям. В Казани она официально принимала видных деятелей из «магометан»: 30 и 31 мая ей были представлены живущие в Старой и Новой Татарских слободах «абызы татары и их жены»⁶⁴. Абызами называлось мусульманское духовенство, которое в то время не имело юридического статуса и не признавалось властями. Очевидно на этих встречах Екатерина II дала личное разрешение на строительство двух каменных мечетей в губернском городе. Вышеупомянутое распоряжение императрицы, отданное казанскому губернатору А. Н. Квашнину-Самарину, было «изустным», считалось законом и подлежало исполнению, как и письменное. Власти не стремились тотчас же сделать известным повеление царицы и тем более его публиковать, чтобы не смущать православных людей и не задевать православную религию, являвшуюся краеугольным камнем России. Услышав высочайшую волю Екатерины II, Андрей Никитич разрешил татарам возвести культовые здания «собственным коштом». Летом 1768 г. развернулось строительство первой соборной (Марджани) и Апанаевской мечетей на территории Старо-Татарской слободы, примыкающей к озеру Кабан. Их сооружение вызвало резкое неприятие духовных руководителей Казанской епархии. Преосвященный Вениамин в донесениях 1768-1771 гг. Синоду осуждал постройку мечетей вблизи православных церквей. В июле 1772 г. Синод потребовал от Сената прояснить ситуацию. В результате, 17 июня 1773 г. вышел указ «О терпимости всех исповеданий», в котором императрица недвусмысленно дала понять, что «как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и ея величество из тех же правил, сходясь Его святой воли, и в сем поступать изволит, желая только, что между подданными ея величества всегда любовь и согласие царствовало»⁶⁵.

31 мая 1767 г. императрица посетила загородный дом губернатора, куда для прощального торжества были приглашены знатные особы. У крыльца ее встретил радушный хозяин с «фамилией» и всеми гостями. Для увеселения «северной Семирамиды» собрались инородцы, населяющие Казанский край: «татары, чувашы, мордва, черемисы с женами, которые плясали, каждая порознь, при том играла их татарская музыка с припевами»⁶⁶. Местная власть старалась показать все этническое многообразие губернии, ее этнический колорит. Перед государыней танцевали и играли на музыкальных инструментах представители нерусских народов Поволжья в их национальных костюмах. Восприятие этого праздника оставил в своих дневниках сановник В. Г. Орлов: «Тут плясали мордва, чувашы, черемисы, вотяки и татары, мужчины и женщины». Сразу после танцев начался маскарад, на который съехалось много дворянства и купцов, но Екатерина II не была в маскарадном костюме и забавлялась игрой в карты. После ужина хозяева устроили фейерверк «очень хорош, хотя и не велик»⁶⁷. Довольная приемом, царица вполне оценила теплую феерическую

атмосферу, не осложненную какими-либо проблемами, и здесь же пожаловала золотую шпагу бургомистру Казанского магистрата П. Г. Каменеву⁶⁸. Удовольствие ее «проистекало» от того, что она не увидела в городе никаких беспокойств, беспорядков, вызванных этническим многообразием населения. Присутствие на празднике многочисленных толп народа разной национальности внушали ей мысль о лояльности, преданности верховной власти и терпимости как русских, так и инородцев. На другой день государыня так рассказала о своих впечатлениях в письме к сыну Павлу: «Вчерашний вечер мы проводили у казанского губернатора, где был на дворе бал для мордвы, чуваш, черемис, вотяков и татар, кои все по своему манеру плясали; потом дворяне казанские собрались в покоях того дома в маскарадном платье и танцевали; за сим последовал ужин и фейерверк, и очень весело было и людей много, хорошо одеты, и танцуют так,.. только что вас не доставало»⁶⁹. Впрочем, известно также и том, что императрица выучила несколько татарских и арабских фраз, чтобы сделать приятное жителям Казани. Об этом она первоначально написала Вольтеру, но затем вымарала пассаж⁷⁰.

Сам церемониал путешествия Екатерины II по Волге свидетельствовал о значимости дворянства для верховной власти. Встречи царицы с первенствующим сословием начинались уже на границе губернии. В различных мероприятиях с государыней постоянно участвовали дворяне, которые сопровождали ее по городам и весям, присутствовали и прислуживали ей во время приемов, балов, маскарадов, торжественных обедов. Все это вызывало чувство единения дворянства с Екатериной: она консолидировала их вокруг себя, а те выступали монолитной общностью, связанной с монархом едиными интересами, культурными запросами, сословными нуждами. Кроме того, на месте ей всегда представлялась возможность помочь беде, погасить конфликт, выступить судьей в споре. В письме к генерал-прокурору Сената А. А. Вяземскому от 3 июня 1767 г. Императрица сообщает о том, что в Казани она столкнулась с проблемой самоуправления дворянского общества. В губернском центре «Северная Семирамида» с удивлением обнаружила раздоры как в среде местной администрации, так и между местной властью и первым сословием. К моменту своего приезда царица «нашла губернатора в ссоре со всеми почти дворянами, а главный заводчик сей ссоры слывется прокурор Есипов». Последний распускал слухи, порочащие личность А. Н. Квашнина-Самарина, и тем самым отталкивал, «производил отвращение», от «хозяина губернии» населения края. Екатерине II было особенно неприятно, что П. Есипов портил имидж представителю коронной власти, в результате чего тот уже «не мог отправлять дела... с... свободностию». Разумеется, конфликт подлежал немедленному разрешению. Императрица оказалась в курсе тех сплетен, которые «суть более с бабьей стороны». Она действует как напрямую, так и через своих приближенных: «Я за благо нашла налить с обеих сторон воду в вино, дабы вразуметь, а не сказать, что то делается по моему приказанию». Особое внимание было обращено на вдохновителя интриг – П. Есипова. Губернскому прокурору пришлось выслушать «отеческое» внушение, «сколь по чину и должности его противно, что он людей ссорывает с той персоной, у коего... власть в руках» и потому «не токмо... потерять может» занимаемый им пост, но «еще ему в Казанской губернии жить не дадут, как не любящего мира и тишины». На следующий день по высочайшему указанию к П. Есипову обратились с советом помирить всех и тем самым изменить мнение о нем самом. После увещевания последний тут же взялся за примирение. Однако обеспокоенная государыня решила принять дополнительные меры для прекращения вражды. Она предложила А. А. Вяземскому написать губернскому прокурору письмо от себя, в котором «дать приметить», что о нем, П. Есипове, говорят как об источнике

скандала, в то время как желание императрицы состоит в том, «чтобы тишина везде сохранялась». В целях предупреждения дальнейших рецидивов конфликта внутри дворянского общества, Екатерина II пыталась выяснить причины враждебного отношения к А. Н. Квашнину-Самарину. Поскольку высокомерие жены губернатора стало одним из источников неприязни дворян к главе губернской администрации и являлось предметом разговоров в городе, то ей «уже вымыли голову» и дали совет, чтобы «она была приветливее и ласковее к людям»⁷¹.

1 июня 1767 г. Екатерина II отправилась из Казани в дальнейшее путешествие. Перед тем, как покинуть город, она вручила А. Н. Квашнину-Самарину поданные ей «от разных людей челобитные, коих число... велико» и повелела ему рассмотреть эти просьбы и «по законам удовольствовать»⁷². Кроме того, чтобы хоть как-то компенсировать деньги, затраченные властями на обустройство государыни и ее свиты в губернском центре, она распорядилась выдать Андрею Никитичу «казанского ведомства из соляной суммы три тысячи рублей на известное... употребление»⁷³. Отъезд монаршей особы проходил не менее торжественно, чем встреча. Провожаемая «генералитетом и дворянством и многочисленным народом» императрица проследовала на берег Казанки. Царская карета «окружаема была бегущим гражданством так, что с нуждою и... идти было возможно, и все восклицали “ура”, и в городе производилась пушечная пальба и колокольный звон, а на пристани по обеим сторонам стояли дворяне и купечество». Екатерина II снова села на корабль, и блестящая флотилия снялась с якорей. Стоящие на причале «генералитет и все дворянство и по берегам наполненный многочисленный народ восклицали «ура». С кремлевских стен ударила артиллерия, а с галеры «Тверь» «отдавали честь... девятью пушечными выстрелами». За эскадрой долго пыли лодки с ликующими горожанами, причем «едущие» на небольшом судне «обучающиеся в школах малолетние татары пели вновь сочиненные стихи»⁷⁴.

Спускаясь вниз по реке, царица всюду наблюдала «благоприятное» материальное положение населения края, о чем не замедлила сообщить Н. И. Панину: «Здесь народ по всей Волге богат и весьма сыт, и хотя цены везде высокие, но все хлеб едят и никто не жалуется и нужду не терпит. Хлеб всякого рода здесь так хорош, как еще не видали, по лесам везде вишни и розаны дикие (т.е. шиповник. – Е. Д.), а леса иного нет, как дуб и липа; земля такая черная, как в других местах в садах и на грядках не видят. Одним словом, сии люди Богом избалованы, я отроду таких рыб вкусом не едала, как здесь, все есть и все дешево»⁷⁵. Последнее обстоятельство объяснялось не только плодородием почвы, но и дополнительными ресурсами, которые давала прибрежным жителям Волга: рыбные богатства реки, а также заработки отходников при транспортировке грузов существенно влияли на доходную часть их семейного бюджета⁷⁶.

2 июня эскадра встала на якорь близ села Болгары. Екатерина II со свитой на шлюпке переправилась на специально построенную к ее приезду пристань и «изволила следовать» пешком и в каретах на развалины средневекового города. После молебна в Успенском монастыре императрица осмотрела остатки «каменного строения, которое еще в давнейших годах строено было»⁷⁷. Сановник В. Г. Орлов записал в дневник впечатление об увиденных им руинах Болгарского городища: «Подле монастыря, находящегося у самой деревни, сохранился очень хорошо род колокольни татар (минарет. – Е. Д.); на поле видели сделанную из мечети (Никольскую. – Е. Д.) церковь, которая и до сих пор сохранилась; несколько мечетей разваленные почти совсем, да еще одну колокольню татарскую, которой верх разваливаться начал. Во всех почти местах изволила быть государыня и крепко наказала губернатору, видя, что некоторые камни с надписью растасканы,

чтобы онаго впредь отнюдь не было»⁷⁸. Любознательность, проявленная царицей в Булгаре, чрезвычайно расстроила ее, поскольку она столкнулась здесь с невежеством и вандализмом местного духовенства. Причины раздражения Екатерина II изложила в письме к Н. И. Панину от 3 июня 1767 г.: «Мы ездили смотреть развалины старинного Тамерланом построенного города Болгары и нашли действительно остатки больших, но не весьма хороших строений, два турецкие минарета весьма высокие, и все, что тут ни осталось, построено из плиты весьма хорошей; татары же великое почтение имеют к сему месту и ездят Богу молиться в сии развалины. Сему один гонитель, казанский архиерей Лука, при покойной императрице Елизавете Петровне, позавидовал и много разломал, а из иных построил церковь, погреб и монастырь, хотя Петра I указ есть не вредить и не ломать сию древность»⁷⁹. Через девять лет самодержица вновь вспоминала о Булгаре, разрешая сооружение около него селитряного завода⁸⁰. Сохранилась также записка «О болгарях и хвалисах» («История о болгарях»), принадлежащая перу Екатерины II и написанная ею во время путешествия в Поволжье под впечатлением от увиденного⁸¹.

После прибытия в Симбирск, конечного пункта «похода по Волге», государыня возвратилась в Москву сухим путем через Алатырь, Арзамас и Муром. Что касается судов, на которых царица совершила свое плавание, то они по указу императрицы от 16 января 1768 г. были отправлены в Казань для того, чтобы «употреблять для ... перевозок ... или, вытаща в удобном месте на берег, под сараем хранить»⁸². Эти галеры находились в Адмиралтейской слободе в особом деревянном здании, три из них из-за ветхости были разобраны в 1804 г., а галера «Тверь» сгорела во время пожара в середине 1950-х гг.⁸³

Информируя Сенат о результатах своего путешествия, Екатерина II сообщала 22 июня 1767 г. следующее: «Во всей дороге хотя более шестисот челобитен подано, но ... по делам и по должности не нашлось на правительстве и на воеводе; еще меньше о взятках, а по большей части все, включая ... от помещичьих крестьян в больших на них сборах тех хозяев, кои возвращены с подтверждением о неподавании впредь таковых, все прочие от пахотных солдат и от новокрещенных в завладении землями и о недостатке оных»⁸⁴. Царица активно использовала власть для вмешательства в дела местной администрации и игнорировала многочисленные жалобы крепостных на притеснения помещиков. Отсутствие доносов на действия провинциальных руководителей и чиновников являлось результатом активного противодействия последних попыткам подавать жалобы на них⁸⁵.

Дни, проведенные «Северной Семирамидой» в Казанском крае, не прошли даром. Во время пугачевщины, в январе 1774 г. Екатерина II приказала сформировать из рекрутов дворцовых волостей губернии конный отряд и присоединить его к создаваемому местным дворянством особому корпусу для подавления Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. После разгрома Казани повстанцами в июле 1774 г. императрица пожертвовала крупную сумму денег на восстановление города и утвердила распоряжения генерал-губернатора П. И. Панина и губернатора П. С. Мещерского по возрождению из руин этого центра Средневолжского региона.

Важным фактором формирования имперской политики России во второй половине XVIII столетия являлось знакомство Екатерины II со страной. Путешествия императрицы давали ей возможность утвердиться в правильности избранного пути, существенно корректировать различные направления деятельности правительства исходя из местных условий, расширяли ее представления о своеобразии социально-экономического развития и управления отдельных территорий российского государства. «Поход по Волге», посещение Казанского края в 1767 г. позволили

центральной власти убедиться в стабильности региона с полиэтническим населением. Гражданский мир в «многонародном» Поволжье способствовал возникновению намерений у царицы улучшить жизнь этих народов. Плодотворное взаимодействие государыни с представителями провинциальных элит в ходе поездки оказалось одним из основных результатов ее политической деятельности и использовалось обеими сторонами для оперативного решения вопросов, которые касались данной губернии. Замечательный опыт коммуникации монарха с населением державы привел в конце концов к важным качественным сдвигам в развитии отечественного законодательства по отношению к конфессиям, народностям, элитам, сословиям. Внутренняя бодрость, отсутствие желания опускать руки перед громадностью России, глубокая вера в исполнимость задуманного в немалой степени способствовали успехам Екатерины Великой.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Сегюр Л. Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785-1789). – СПб., 1865. – С. 144, 154-155.
2. Повседневная записка походу Ея Императорского Величества в Казань от 2 июля 1767 г. // Санкт-Петербургские ведомости. Прибавления. – 1767. – 20 июля. – № 58.
3. Брикнер А. Г. История Екатерины Великой. – М., 1998. – С. 706-707; Павленко Н. И. Екатерина Великая. – М., 1999. – С. 214-216, 219, 329-330, 335, 341, 349; Бессарабова Н. В. Внутриполитический и внешнеполитический аспекты путешествий Екатерины II по России // Е. Р. Дашкова и ее современники. – М., 2002. – С. 119-144; Ибнеева Г. В. Путешествия Екатерины II: Опыт «освоения» имперского пространства. – Казань, 2006. – С. 78-79; ее же. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. – М., 2009. – С. 5-10.
4. Бильбасов В. А. Походы Екатерины II по Волге и Днепру // Исторические монографии. – СПб., 1901. – Т. 3. – С. 246-248, 255-256.
5. Там же. – С. 255-256; Спутник по Казани: Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / Под ред. Н. П. Загоскина. – Казань, 2005. – С. 234.
6. Ибнеева Г. В. Путешествия Екатерины II... – С. 80; ее же. Имперская политика Екатерины II... – С. 108.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 14, д. 227, ч. 1, л. 9.
8. Павленко Н. И. Указ. соч. – С. 219; Елисеева О. И. Екатерина Великая. – М., 2010. – С. 341.
9. Бильбасов В. А. Указ. соч. – С. 255-256.
10. РГАДА, ф. 10, оп. 1, д. 387, л. 1-8; Повседневная записка походу Ея Императорского Величества в Казань от 2 июня 1767 г. // Санкт-Петербургские ведомости. Прибавления. – 1767. – 20 июля. – № 58; Бильбасов В. А. Указ. соч. – С. 234-240; Павленко Н. И. Указ. соч. – С. 223-224; Пинегин М. Н. Казань в ее прошлом и настоящем: Очерки по истории, достопримечательностям и современному положению города, с приложением кратких адресных сведений с 8-ю видами города. – Казань, 2005. – С. 268; Спутник по Казани... – С. 229; Ибнеева Г. В. Путешествия Екатерины II... – С. 220-229; Елисеева О. И. Указ. соч. – С. 342, 344-345.
11. Повседневная записка походу Ея Императорского Величества в Казань от 2 июня 1767 г. // Санкт-Петербургские ведомости. Прибавления. – 1767. – 20 июля. – № 58.
12. Повседневная записка обратного Ея Императорского Величества из Казани в Москву путешествия от 14 июня 1767 г. // Санкт-Петербургские ведомости. Прибавления. – 1767. – 24 июля. – № 59.
13. Церемониальный камер-фурьерский журнал 1767 года. – СПб., 1855. – С. 170-198.
14. Экстракт из журнала плавания Ея Императорского Величества на галерах по реке Волге, от Твери до Симбирска, в 1767 году // Бильбасов В. А. Указ. соч. – С. 249-255.
15. Орлов В. Г. Дневники. Путешествие по Волге // Орлов-Давыдов В. П. Биографический очерк графа В. Г. Орлова // Русский архив. – 1908. – Кн. 2. – С. 325-328.
16. Пребывание императрицы Екатерины II в Казани в 1767 году: По материалам рукописного сборника конца XVIII в. // Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) (РО ИРЛИ) РАН, ф. 265, оп. 2, д. 2318, л. 1-10; см. также: Ибнеева Г. В. Имперская политика Екатерины II... – С. 19-20, 47-48.
17. РГАДА, ф. 16, д. 720, л. 15.

18. Рычков Н. П. Опыт казанской истории древних и средних времен. – СПб., 1767. – С. 182.
19. Фальк И.-П. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией наук. – СПб., 1824. – Т. 6. – С. 167-185.
20. Церемониальный камер-фурьерский журнал. – С. 179.
21. Пребывание императрицы Екатерины II... // РО ИРЛИ РАН, ф. 265, оп. 2, д. 2318, л. 7 об.-8 об.; Пинегин М. Н. Указ. соч. – С. 269-270.
22. Собрание документов, касающихся посещения Екатериной II г. Казани (1767 г.) и пребывания Е. И. Пугачева в Казани (1774 г.) // ОРРК НБ им. Н. И. Лобачевского К(П)ФУ, № 1844, л. 3; Церемониальный камер-фурьерский журнал... – С. 170-175; Бильбасов В. А. Указ. соч. – Т. 3. – С. 253; Орлов В. Г. Указ. соч. – С. 325.
23. Церемониальный камер-фурьерский журнал... – С. 176-177.
24. Повседневная записка походу Ея Императорского Величества в Казань от 2 июня 1767 г. // Санкт-Петербургские ведомости. Прибавления. – 1767. – 20 июля. – № 58; Церемониальный камер-фурьерский журнал... – С. 177.
25. Эта карета Екатерины II сохранилась до наших дней и экспонируется в Казани в Национальном музее Республики Татарстан.
26. Дом И. П. Осокина сохранился. В 1813-1814 гг. он был приобретен местным дворянством. Журналист «Казанских известий» отмечал в декабре 1814 г., что этот объект недвижимости «тот самый, в коем великая государыня императрица Екатерина Алексеевна во время приезда своего в Казань имела пребывание» и что «входя в оный, всякий мнит беседовать тут с духом великой государыни». Впоследствии здесь размещалась Казанская судебная палата (см.: Собрание документов, касающихся посещения Екатериной II... // ОРРК НБ им. Н. И. Лобачевского К(П)ФУ, № 1844, л. 1; Спутник по Казани... – С. 229-231).
27. Повседневная записка походу Ея Императорского Величества в Казань от 2 июня 1767 г. // Санкт-Петербургские ведомости. Прибавления. – 1767. – 20 июля. – № 58; Церемониальный камер-фурьерский журнал... – С. 178-180; Бильбасов В. А. Указ. соч. – С. 254; Орлов В. Г. Указ. соч. – С. 325-326; Пинегин М. Н. Указ. соч. – С. 269-270; Спутник по Казани... – С. 229.
28. Орлов В. Г. Указ. соч... – С. 325.
29. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в государственном архиве Министерства иностранных дел // Сборник РИО. – СПб., 1872. – Т. 10. – С. 203.
30. Там же.
31. Пинегин М. Н. Указ. соч. – С. 270.
32. Там же. – С. 270-271.
33. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – СПб., 1830 (ПСЗ – 1). – Т. 18. – № 12908. – С. 140-141.
34. Указ императрицы Екатерины II А. Н. Квашнину-Самарину от 7 апреля 1768 г. // Именные указы и рескрипты казанским губернаторам // ОРРК НБ им. Н. И. Лобачевского К(П)ФУ, № 4451, т. 1, л. 159; Санкт-Петербургские ведомости. Прибавления. – 1767. – 20 июля. – № 58; Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1860. – 22 октября. – № 43. – С. 335; 1861. – 31 мая. – № 21. – С. 216.
35. Пинегин М. Н. Указ. соч. – С. 271.
36. Орлов В. Г. Указ. соч. – С. 327.
37. Повседневная записка походу Ея Императорского Величества в Казань от 2 июня 1767 г. // Санкт-Петербургские ведомости. Прибавления. – 1767. – 20 июля. – № 58; Церемониальный камер-фурьерский журнал... – С. 181-182.
38. Церемониальный камер-фурьерский журнал... – С. 182-183; Орлов В. Г. Указ. соч. – С. 326.
39. Пребывание императрицы Екатерины II... // РО ИРЛИ РАН, ф. 265, оп. 2, д. 2318, л. 6-6 об.; Ибнеева Г. В. Путешествия Екатерины II... – С. 118, 214-216; ее же. Имперская политика Екатерины II... – С. 188, 317-318.
40. Орлов В. Г. Указ. соч. – С. 326.
41. Повседневная записка походу Ея Императорского Величества в Казань от 2 июня 1767 г. // Санкт-Петербургские ведомости. Прибавления. – 1767. – 20 июля. – № 58; Церемониальный камер-фурьерский журнал... – С. 182-193.
42. Бумаги императрицы Екатерины II... – С. 205-206.
43. Там же. – С. 210; Пинегин М. Н. Указ. соч. – С. 271-272; Спутник по Казани... – С. 231.
44. Бильбасов В. А. Указ. соч. – С. 243.

45. Орлов В. Г. Указ. соч. – С. 326.
46. Церемониальный камер-фурьерский журнал... – С. 186.
47. Пребывание императрицы Екатерины II... // РО ИРЛИ РАН, ф. 265, оп. 2, д. 2318, л. 7; Ибнеева Г. В. Имперская политика Екатерины II... – С. 243-244; Елисеєва О. И. Указ. соч. – С. 348.
48. ПСЗ – 1. – Т. 18. – № 13278. – С. 867-868.
49. Повседневная записка походу Ея Императорского Величества в Казань от 2 июня 1767 г. // Санкт-Петербургские ведомости. Прибавления. – 1767. – 20 июля. – № 58; Церемониальный камер-фурьерский журнал... – С. 187-188; Орлов В. Г. Указ. соч. – С. 326.
50. Бумаги императрицы Екатерины II... – С. 204.
51. Повседневная записка походу Ея Императорского Величества в Казань от 2 июня 1767 г. // Санкт-Петербургские ведомости. Прибавления. – 1767. – 20 июля. – № 58; Церемониальный камер-фурьерский журнал... – С. 189-191.
52. Орлов В. Г. Указ. соч. – С. 327.
53. Повседневная записка походу Ея Императорского Величества в Казань от 2 июня 1767 г. // Санкт-Петербургские ведомости. Прибавления. – 1767. – 20 июля. – № 58; Церемониальный камер-фурьерский журнал... – С. 192; Орлов В. Г. Указ. соч. – С. 327.
54. Орлов В. Г. Указ. соч. – С. 327.
55. Пинегин М. Н. Указ. соч. – С. 272; Спутник по Казани... – С. 231.
56. Бильбасов В. А. Указ. соч. – С. 242-243.
57. Указ императрицы Екатерины II А. Н. Квашнину-Самарину от 12 мая 1769 г. // Именные указы и рескрипты казанским губернаторам // ОРРК НБ им. Н. И. Лобачевского К(П)ФУ, № 4451, т. 1, л. 195.
58. Пребывание императрицы Екатерины II... // РО ИРЛИ РАН, ф. 265, оп. 2, д. 2318, л. 8 об.-9; Пинегин М. Н. Указ. соч. – С. 272-273; Спутник по Казани... – С. 231-232; Ибнеева Г. В. Имперская политика Екатерины II... – С. 276-277.
59. Бумаги императрицы Екатерины II... – С. 206.
60. Там же.
61. Ибнеева Г. В. Путешествия Екатерины II... – С. 90; ее же. Имперская политика Екатерины II... – С. 166-167.
62. Бумаги императрицы Екатерины II... – С. 199-200.
63. Повседневная записка походу Ея Императорского Величества в Казань от 2 июня 1767 г. // Санкт-Петербургские ведомости. Прибавления. – 1767. – 20 июля. – № 58; Пребывание императрицы Екатерины II... // РО ИРЛИ РАН, ф. 265, оп. 2, д. 2318, л. 3 об.-4; Ибнеева Г. В. Путешествия Екатерины II... – С. 114-115; ее же. Имперская политика Екатерины II... – С. 185.
64. Церемониальный камер-фурьерский журнал... – С. 189, 192.
65. ПСЗ – 1. – Т. 19. – № 13996. – С. 775-776; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. – Пг., 1914. – Т. 50. – С. 444-447; Можаровский А. Ф. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 год. – М., 1880. – С. 101-102.
66. Собрание документов, касающихся посещения Екатериной II... // ОРРК НБ им. Н. И. Лобачевского К(П)ФУ, № 1844, л. 5 об.; Церемониальный камер-фурьерский журнал... – С. 193.
67. Орлов В. Г. Указ. соч. – С. 327.
68. Пинегин М. Н. Указ. соч. – С. 272-273; Спутник по Казани... – Казань, 2005. – С. 233.
69. Бумаги императрицы Екатерины II... – 1885. – Т. 42. – С. 354.
70. Ибнеева Г. В. Путешествия Екатерины II... – С. 121; ее же. Имперская политика Екатерины II... – С. 190.
71. Письмо Екатерины II генерал-прокурору Сената А. А. Вяземскому, 3 июня 1767 г. // Журнал Министерства юстиции. – 1915. – № 10. – Декабрь. – С. 197.
72. Указ императрицы Екатерины II А. Н. Квашнину-Самарину от 1 июня 1767 г. из Казани // Именные указы и рескрипты казанским губернаторам // ОРРК НБ им. Н. И. Лобачевского К(П)ФУ, № 4451, т. 1, л. 133.
73. Указ императрицы Екатерины II А. Н. Квашнину-Самарину от 14 июня 1767 г. // Именные указы и рескрипты казанским губернаторам // ОРРК НБ им. Н. И. Лобачевского К(П)ФУ, № 4451, т. 1, л. 141, 142.
74. Повседневная записка обратного Ея Императорского Величества из Казани в Москву путешествия от 14 июня 1767 г. // Санкт-Петербургские ведомости. Прибавления. – 1767. –

- 24 июля. – № 59; Церемониальный камер-фурьерский журнал... – С. 194-196; Орлов В. Г. Указ. соч. – С. 327; Бильбасов В. А. Указ. соч. – С. 254.
75. Бумаги императрицы Екатерины II... – 1872. – Т. 10. – С. 207.
76. Павленко Н. И. Указ. соч. – С. 223; Елисеева О. И. Указ. соч. – С. 343.
77. Повседневная записка обратного Ея Императорского Величества из Казани в Москву путешествия от 14 июня 1767 г. // Санкт-Петербургские ведомости. Прибавления. – 1767. – 24 июля. – № 59; Церемониальный камер-фурьерский журнал... – С. 197-198.
78. Орлов В. Г. Указ. соч. – С. 327-328.
79. Бумаги императрицы Екатерины II... – 1872. – Т. 10. – С. 207; Пинегин М. Н. Указ. соч. – С. 274; Бильбасов В. А. Указ. соч. – С. 243; Орлов В. Г. Указ. соч. – С. 328.
80. Бильбасов В. А. Указ. соч. – С. 243.
81. Катанов Н. Ф. Два исторических документа императрицы Екатерины II о древностях Волги и Кавказа. – Казань, 1907. Отдельный оттиск Казанского общества археологии, истории и этнографии. – Т. 23. – С. 238-244.
82. Описание дел архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. – СПб., 1882. – Т. 3. – С. 569; Бильбасов В. А. Указ. соч. – С. 257.
83. Пинегин М. Н. Указ. соч. – С. 275; Спутник по Казани... – С. 233-234.
84. Бумаги императрицы Екатерины II... – 1872. – Т. 10. – С. 216; Бильбасов В. А. Указ. соч. – С. 245.
85. Павленко Н. И. Указ. соч. – С. 224.

Список литературы

- Бильбасов В. А. Исторические монографии. – СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1901. – Т. 3. – 602 с.
- Брикнер А. Г. История Екатерины Великой. – М.: «Сварог и К», 1988. – 800 с.
- Елисеева О. И. Екатерина Великая. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 635 с.
- Ибнеева Г. В. Путешествия Екатерины II: Опыт «освоения» имперского пространства. – Казань: Издательство Казанского университета, 2006. – 254 с.
- Ибнеева Г. В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. – М.: Памятники исторической мысли, 2009. – 469 с.
- Павленко Н. И. Екатерина Великая. – М.: Молодая гвардия, 1999. – 495 с.
- Пинегин М. Н. Казань в ее прошлом и настоящем: Очерки по истории, достопримечательностям и современному положению города, с приложением кратких адресных сведений с 8-видами города. – Казань: «ДОМО «Глобус», 2005. – 784 с.
- Рычков Н. П. Опыт казанской истории древних и средних веков. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1767. – 228 с.
- Спутник по Казани: Иллюстрированный указатель и справочная книжка города / Под ред. Н. П. Загоскина. – Казань: «ДОМО «Глобус», 2005. – 848 с.
- Церемониальный камер-фурьерский журнал 1767 года. – СПб.: Типография Департамента делов, 1855. – 784 с.

References

- Bilbasov V. A. *Istoricheskiye monografii* [Historical monographs]. St. Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova publ., 1901, vol. 3, 602 p.
- Brickner A. G. *Istoriya Yekateriny Velikoy* [History of Catherine the Great]. Moscow, "Svarog i K" publ., 1988, 800 p.
- Eliseeva O. I. *Yekaterina Velikaya* [Catherine the Great]. Moscow, Molodaya gvardiya publ., 2010, 635 p.
- Ibneeva G. V. *Puteshestviya Yekateriny II: Opyt "osvoyeniya" imperskogo Prostranstva* [The Travels of Catherine II: The Experience of "Mastering" the Imperial Space]. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta publ., 2006, 254 p.
- Ibneeva G. V. *Imperskaya politika Yekateriny II v zerkale ventsenosnykh puteshestviy* [The Imperial policy of Catherine II in the mirror of the Crowned Journeys]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysl'i publ., 2009, 469 p.
- Pavlenko N. I. *Yekaterina Velikaya* [Catherine the Great]. Moscow, Molodaya gvardiya publ., 1999, 495 p.

Pinegin M. N. *Kazan' v yeye proshlom i nastoyashchem: Ocherki po istorii, dostoprimechatel'nostyam i sovremennomu polozheniyu goroda, s prilozheniyem kratkikh adresnykh svedeniy s 8-yu vidami goroda* [Kazan in its past and present: Essays on the history, sights and the current situation of the city, with the attachment of the brief address information with 8 views of the city]. Kazan, "DOMO Globus" publ., 2005, 784 p.

Rychkov N. P. *Opyt kazanskoy istorii drevnikh i srednikhvekov* [Experience of the Kazan history of the ancient and Middle Ages]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk publ., 1767, 228 p.

Sputnik po Kazani: Illustrirovanny ukazatel dostoprimechatel'nostey i spravochnaya knizhka goroda. Pod red. N. P. Zagoskina [Zagoskin N. P. (ed) Guide on Kazan: Illustrated reference book of sights]. Kazan, "DOMO Globus" publ., 2005, 848 p.

Tseremonialnyy kamer-furyerskiy shurnal 1767 goda [The Ceremonial Chamber-Fourier journal of 1767]. St. Petersburg, Tipografiya Departamenta udelov publ., 1855, 784 p.

Сведения об авторе

Долгов Евгений Борисович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, e-mail: info-ite@mail.ru

About the author

Evgeniy B. Dolgov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of the Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, e-mail: info-ite@mail.ru

В редакцию статья поступила 30.05.2024, опубликована:

Долгов Е. Б. Екатерина II и Казанская губернская администрация во второй половине XVIII столетия // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2024. – № 2. – С. 63-82.

Submitted on 30.05.2024, published:

Dolgov E. B. *Ekaterina II i Kazanskaya gubernskaya administratsiya vo vtoroi polovine XVIII stoletiya* [Catherine II and the Kazan provincial administration in the second half of the XVIII century]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2024, no. 2, pp. 63-82.